

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА / ДИСКУРСА

Г.Г. Молчанова

СМЫСЛОПРЕОБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МЕТАФОРЫ В КОНТЕКСТЕ РАДИАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ КОНЦЕПТА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; dean@ffl.msu.ru*

Аннотация: В статье ставится вопрос о необходимости приращения обще-гуманитарного знания в университетском образовании в целом и о той роли, которую играют лингвокогнитивные методы в современных исследованиях. Концептуальному, фреймо-слотовому, компонентному анализу подвергается заглавный вербализованный концепт новеллы Рея Бредбери “*Embroidery*” («*Рукоделие*») в его метафорической экспансии как скрытый код литературной коммуникации. Исследование смыслообразующей и преобразующей роли заглавной метафоры в организации концептосферы художественного текста/дискурса проводится при посредстве анализа многочисленных примеров, что доказательно приводит к выводу: выбор фрейма навязывается когнитивной метафорой, которая влияет на концептуализацию проблемы и ее решение. Подтверждается значимость лингвокогнитивных методов для исследования концептуального пространства и семантической сферы текста, поскольку, объединяя языковую и внеязыковую действительность посредством отражения человеческого знания и опыта, она представляет реальную возможность постижения способов осмысления мира человеком и расширяет его общегуманитарные компетенции.

Ключевые слова: когнитивная метафора; фреймо-слотовый анализ; компонентный анализ; рефрейминг; домен-источник (донор); домен-цель (мишень); блендинг; вектор ассоциаций; ментальное пространство

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-01

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Молчанова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; dean@ffl.msu.ru

Для цитирования: Молчанова Г.Г. Смыслопреобразующая роль метафоры в контексте радиального расширения концепта // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 9–23.

Нельзя не отметить, что в последнее время в лингвистике наблюдается тенденция игнорирования и даже избегания применения лингвокогнитивных методов. Возможно, это естественная реакция на превращение концептологии в концептоманию, на стремительное расширение круга изучаемых концептов, проводимое как дань научной моде и не всегда качественно. Действительно, избыточность, приводящая к энтропии, усугубляемая отсутствием единой трактовки центрального объекта, неопределенностью и нечеткостью процедуры концептуального анализа, противоречивостью и дефиниционной расплывчатостью основных рабочих терминов закономерно вызывает вопросы: не является ли замена старых добрых методов на новую когнитивную терминологию — концепт, фрейм, слот и т.п. — просто данью новому тренду? Ответ — нет, не является. Да, они приемлемы и необходимы. Нельзя не признать наличия объективных оснований для такой явной востребованности когнитивистики, ее аппарата и методов, в гуманитарных науках. Наиболее существенное основание для этого — расширение горизонтов, открывающихся перед исследователями смежных гуманитарных наук. Когнитивные и концептологические исследования по самой своей сути направлены на расширение общегуманитарного знания и, как справедливо отмечала Е.С. Кубрякова, «в ходе этих исследований цели лингвистики приобрели более масштабный характер. Сведения о языке стали рассматриваться как неотъемлемый и органический компонент при анализе *восприятия, памяти, внимания, мышления* и т.д. В ходе этих когнитивных исследований рождались и новые представления о языке и языковых данных как о средстве доступа к работе человеческого сознания, а в значительной степени и к пониманию всей природы и сущности человека» [Кубрякова, 2004: 26]. Использование когнитивистики, ее аппарата и методов в целях решения межкультурной проблематики представляется сегодня непреложным фактором. Если работа выполнена качественно, то наука пополняется новым проанализированным фактическим материалом, рассмотренным не псевдонаучно, а серьезно, аргументировано, с использованием современных достижений в области фреймо-слотового моделирования, когнитивных конструкторов, концептуального анализа, покрывающих одновременно пограничные предметные области [см., например: Болдырев, 2021; Демьянков, 2021; Ирисханова, 2021 и др.]. Тем самым повышается *объяснительная мощь* выполненных работ, их *научная достоверность* и

возможность верификации. Лингвоконцептология превратилась в один из основных методов приращения общегуманитарного знания, располагая широким инвентарем методологических процедур исследования, используя различные методики, включая концептуальный анализ, фреймо-слотовый подход, теорию концептуальной метафоры, т.д., способствуя растущему интересу к полимодальности коммуникации, меж- или интеркультурной, учитывая при этом спектр разнообразных коммуникативных средств, используемых коммуникантами как вербальных, так и менее исследованных невербальных (жест, позы, интонация, тембр, цвет, запах, вкус, пространство, время, телодвижения и пр.), а также разность их вклада, вносимого в процесс коммуникации [Молчанова, 2014]. Новая модель порождения знания, в отличие от традиционной, узкоспециальной, гомогенной, иерархической и определяемой, как правило, академическим сообществом, междисциплинарна, генерируется в прикладном аспекте и не укладывается в конвенциональные дисциплинарные схемы. Эта модель гетерогенна — она требует широкий спектр навыков и умений и вовлекает разнообразные формы передачи знаний. По своей сути новая модель знания является поликодовой и вовлекает такие типы знания, как визуальное, аудиальное, синестетическое и т.п. В отличие от традиционной, она имеет гетероархическую структуру, т.е. подвержена изменениям и не следует заранее определенной системе организации знания. *Цель статьи* — вскрыть основные познавательные механизмы в сознании человека, ведущие к преобразованию устойчивых глубинных концептов. *Задача* — показать, что их семантическое наполнение как смыслов мировоззренческих универсалий, в которых фиксируются ценностные доминанты, обеспечивающие понимание мира и человека, могут меняться в зависимости от того, какие изменения сознания и стереотипов происходят в переломные периоды под влиянием внешних факторов. В разработке алгоритма пошагового концептуального анализа использовалась прототипическая категоризация. Прототип рассматривается как ментальная репрезентация или когнитивный ориентир («лучший представитель») категории. «Степень членства в категории для других сущностей определяется степенью их подобия прототипу» [Лакофф, 2004: 188]. Наиболее прототипические категории Лакофф называет «радиальными». В радиальной структуре можно выделить центральный случай (наиболее типичный) и его конвенциональные разновидности. «Нецентральные члены образуют расширения кластерных признаков, которые не могут быть предсказаны, но являются прагматически ориентированными. Радиальная структура — это структура, где есть центральный случай и его конвенциональные разновидности, которые не могут быть

выведены из центрального по общему правилу» [Лакофф, 2004: 119]. Центральная субкатегория определяется через кластер сходящихся когнитивных моделей, нецентральные, не будучи ее вариантами, вступают как *конвенциональные расширения* и могут рассматриваться автономно. Однако, несмотря на определенную самостоятельность периферийных субкатегорий, они не являются случайными, их следует считать мотивированными центральной моделью. «Концепты базового уровня» составляют тот уровень, на котором один ментальный образ (концепт) отражает всю категорию в целом. Концепты базового уровня легче изучать, запоминать, использовать. Они являются концептами, которые более явно связаны с действительностью, они «более богаты в информационном отношении и в отношении конвенциональной образности» [Лакофф, 2004: 525]. Концепты базового уровня определяются тем, «как мы взаимодействуем с миром, обладая телом, когнитивной организацией и нашими культурно-предопределенными целями» [Лакофф, 2004: 134]. Помимо прототипической и/или в дополнение к ней существует еще и *экземплярная, или экспертная*, категоризация: категоризируя новые примеры, люди часто используют не прототипы, а конкретные образцы, доступные им в опыте. «Эпизодическая память в комбинации с восприятием способны сохранять конкретные примеры категорий, по которым и определяется возможная категориальная принадлежность других объектов [Лакофф, 2004: 38]. Конкретные примеры несут максимум информации, которую можно использовать для решения конкретных задач. Экспериментальные доказательства экземплярной категоризации были получены канадским психологом Ли Бруксом. Прототипическая и экземплярная категоризации имеют дело с разными формами репрезентации знаний. Так, Джадд и Парк считают, что люди используют и прототипическую, и экземплярную категоризации для определения групповой принадлежности, но только экземплярную для определения аутгруппы (чужих, не своих) [Judd, Park, 1988: 778–788]. Другие считают, что прототип является ведущим при первичной оценке объекта, общей ориентировки в происходящем, экземпляры же включаются в познавательный процесс при углубленной ориентировке или недостаточности представленной в прототипе информации для решения поставленной задачи [Режабек, Филатова, 2009: 160]. В связи с этим представляется логичным на первоначальном этапе пошагового концептуального анализа выявлять ядро (центр) и периферию (прототипическая категоризация), а на углубленном этапе — экземплярную выявляющую индивидуальные импликации на основе фрагментов жизненного опыта или по художественным и медиатекстам.

Исходя из этого, в статье на материале новеллы Р. Бредбери “*Embroidery*” («*Рукоделие*») рассматривается когнитивная метафора как смыслопреобразующий спусковой механизм, основанный на сопоставлении несопоставимых концептов в художественном тексте. Впервые концептуальному анализу подвергается насыщенный пласт глубинных смыслов этой новеллы, в центре которой — концепт *Embroidery* («*Рукоделие*») в его периферийном, метафорическом расширении смысла.

Метафора как носитель стереотипа и проявление творчества — бесценный источник и инструмент представления и структурирования информации, источник понимания ментальных процессов в языке и способ формирования нового знания, основанного на накопленном опыте. Под метафорой издавна понимается *аналогия по сходству* между свойствами ее семантических референтов, и это естественно, но — также и *несходство* между ними, поскольку метафора должна порождать некоторый новый смысл, новое знание. Человеческий разум сопоставляет несопоставимые семантические концепты, что и является причиной возникновения метафоры. Эта теория — версия интеракционной теории (*interaction view*) Макса Блэка, рассматривающего метафору как результат некоего когнитивного процесса, который сопоставляет два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой является эмоциональное ощущение. Концептуальный процесс, порождающий метафору, распознает как сходные те свойства референтов, на которых основывается аналогия, так и несходные, на которых строится семантическая аномалия. «Степень сходства и несходства определяет истинное значение метафоры. В этом соединении и кроется тайна метафоры» [Блэк, 1993: 163]. Поскольку «метафора — силки для мышления» [Аристотель, 1976], то, нарушая автоматизм восприятия, она заставляет задуматься, создавая проблемную ситуацию в языковой ткани текста, «напрягая» адресата и требуя применения неких когнитивных операций по восстановлению или реконструкции тех полных структур знания, сокращенными или моделированными аналогами которых она служит. В работе концептуальному фреймо-слововому анализу подвергается концепт в его метафорической экспансии как скрытый код литературной коммуникации. Анализ многочисленных примеров доказательно приводит к выводу: выбор фрейма навязывается когнитивной метафорой, которая влияет на концептуализацию проблемы и ее решение. Она регулярно используется автором для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и скрытой реализации кода авторского художественного замысла. Слова служат не только для воспроизведения нашего опыта. Чаще они помещают его в свое-

образную психологическую рамку — фрейм, который понимается как структура, способ представления и хранения знаний, в которой одни аспекты выдвигаются на передний план, а другие служат им фоном, устанавливая, таким образом, рамки и ограничения при взаимодействии человека с окружающим миром. Подобный тип фрейма может существенным образом повлиять на то, как мы интерпретируем конкретные явления и ситуации и реагируем на них, поскольку он выполняет роль когнитивного контекста, «расставляя акценты» и направляя наше внимание. Фреймы придают большую продуктивность взаимодействию, так определяют, какая информация и какие темы соответствуют или не соответствуют цели. Фрейм формируется клише/штампами сознания на основе пучка слотов — подструктур фрейма, представляющих определенные типы информации, релевантные для описываемого ситуативного фрагмента действительности на основе предсказуемых валентных связей, векторов направленных ассоциаций. Чем больше слотов задействовано, чем больше ассоциативных связей установлено, тем эффективнее достижение конечного результата [Мински, 1988]. При задействовании одного из элементов (терминалов) фрейма активизируются все элементы, но для актуализации выбирается какой-то один из них. Таким образом, в ментальном пространстве адресата фрейм действует как новый фрагмент ментального мира и изменяет старые, а также формирует новые межфреймовые связи на основе этнокультурной специфики слотов и терминалов. В когнитивном аспекте выявленные неосознанные мотивы превращаются в аргументы на основе когнитивных техник рефрейминга, предполагающего или смену контекста, или изменение отношения к самому объекту. В результате происходит *рефрейминг* или *смена фрейма*, т.е. помещение какого-либо образа в новый фрейм, в новый национально-культурный контекст, позволяющий адресату находить новые решения, влияющие на переживания и интерпретацию ситуации [Молчанова, 2007]. Обратимся к концептуальному анализу текста. При помощи наиболее авторитетных лексикографических источников определим общеупотребительные вербализаторы *ядра* концепта. Прототипическое значение ядра охватывает только самые типичные и частотные употребления. Но они не случайны и не произвольны — все значения слова *Embroidery* связаны между собой, так что каждое значение может породить одно или несколько новых, в конечном счете они образуют цепь (*chain*) или сеть (*network*) значений данной языковой единицы. *Embroidery* — ядро: соотнесем наиболее употребительные профили концепта *Embroidery* с примерами из текста. Поскольку «выбор донорского домена всегда мотивирован» [Lakoff, Johnson, 1980], в ядерную зону вносится

инвариантное по отношению к *embroidery* значение *вышивание, рукоделие*. В когнитивной лингвистике введение инварианта, как и прототипа, считается допустимым, так как «инвариант может существовать в сознании носителя, облегчая ему восприятие концепта» [Langacker, 1991: 3]. Согласно инвариантной теории организации знания у всякой языковой единицы значение одно, но инвариант, как и прототип, не покрывает всего разнообразия употреблений данного концепта, которое в зависимости от контекста и динамики дискурса может значительно трансформироваться. Одной из важнейших задач когнитивной семантики признается описание *типов* или *способов* перехода от одного значения к другому; делается это на материале разных языков и разных культур в предположении, что здесь действуют общие семантические механизмы. Это особенно характерно для дискурсов «переоценки ценностей», к которым и принадлежит *Embroidery*. Далее обратимся к далекой периферии концепта *embroidery*, допуская, что периферия концепта, в отличие от его ядра, основана не на прототипической, а скорее, на экземплярной, или экспертной, т.е. основанной на опыте, категоризации. По Хокинзу [Hawkins, 1988], в теории когнитивной семантики предлагается обобщающая модель «мостов» между разными типами употреблений: различаются не категории, а ядра категорий. Однако у каждого ядра прототипа есть периферия, и тут никакой «старый» аппарат не работает, потому что чем дальше от ядра, тем сложнее и на первый взгляд запутанней набор признаков, характерных для данной языковой единицы. Например, она может характеризоваться признаком, входящим в «ядро» совсем другой категории, а со «своей», наоборот, почти ничего не иметь общего — но это, по мнению Хокинза, не повод, чтобы переводить ее в другую категорию, а доказательство, что данный аппарат в области периферии не работает. Все вербализации концепта *embroidery* в тексте как-то связаны между собой, и их набор не случаен. Периферия опирается, скорее, на принцип аналогии, который базируется на боковом смещении, на отношении *расширения значения* (т.е., фактически, метафорического переноса). Остановимся на этом подробнее. По Аристотелю, обычные слова передают то, что мы уже знаем, но метафора — лучший способ познать что-то свежее [Аристотель, 1976]. «Язык воображения, особенно метафора, необходим для выражения уникальных и глубоко персонально значимых аспектов нашего опыта. Она позволяет постичь такого личного понимания общеупотребительных значений, какого не могут дать просто слова» [Lakoff, Johnson, 1980: 188]. Дж. Лакофф выдвигает *гипотезу устойчивости* метафоры (*invariance hypothesis*): если концепт некоторой языковой единицы сравнивается с другим и этот другой становится

в языке конвенциализованным источником метафоры для данной языковой единицы, то этот источник диктует языковой единице не отдельные употребления, а целиком свою, так сказать, когнитивную топологию. Принцип аналогии в данном случае действует следующим образом: некоторый семантический признак оказывается доменом-источником (*donor domain*), т.е. он «внедряет» (*embodies*) в целевой домен (*target domain*) дополнительные элементы. В свою очередь, такие производные, или, как их называет Хокинз, *зависимые* (*dependent*) употребления, могут образовывать своеобразные периферийные центры, так что их семантические признаки могут затем служить доменом-источником для следующих зависимых элементов.

Так, после ядерной характеристики вербализованного концепта *embroidery* в прототипическом, инвариантном значении *вышивка, рукоделие* на периферии концепта прозвучит первый тревожный сигнал: доменом-донором здесь служит синоним *embroidery-handiwork* — в негативном его значении — *This is their handiwork* — *это их рук дело*, что мгновенно вызывает тревожные ассоциации. Так концептуализируется начало катастрофы. Из донорской зоны *embroidery* (*частота употребления* — 26 на трех страницах рассказа), уже с некоторой настороженностью, внедряется профиль концепта *This is their handiwork* — т.е. именно этих трех странных женщин. Затем *hand* (18) из *handiwork* становится периферийным центром и донором-источником для производных от него *fingers* (8), *arms* (2), *at hand* (1). Из донорской зоны *embroidery* (26) источником для производных от него становятся периферийные центры *thread* (4), *pattern* (3), *design* (3), *needle* (3), *to sew* (2), *yarn* (2), *fiber* (1), *material* (1), *to rip out* (1), употребляемые пока в прямом словарном прототипическом значении в семантическом поле сходных с вербализованным концептом *embroidery* единиц (*handiwork*, *hands* (18), *fingers* (8), *arms* (2), *at hand* (1), *thread* (4), *pattern* (3), *design* (3), *needle* (3), *to sew* (2), *yarn* (2), *fiber* (1), *material* (1), *to rip out* (1)), но все более отходящих от него в сторону переносного метафорического смещения.

Представляется уместным, поскольку далее затрагиваются проблемы семантической структуры слова, прибегнуть к методике старого, но не потерявшего актуальности и доказательной силы компонентного анализа, предполагающего разложимость сопоставляемых единиц на частью общие, частью различные элементы — *семь*: родовые, видовые, интегральные, дифференциальные, потенциальные, скрытые. С помощью этого метода анализируются интегральные и дифференциальные компоненты значения и, в конечном счете, степень их соотносительности. Известно, что компонентный анализ воплотил в практике лингвистических исследований

принципы логического атомизма Людвиг Витгенштейна и Бертра-на Рассела [Рассел, 1999]. Компонентный анализ постулирует адди-тивность значения — его полную выводимость из суммы своих компонентов. Таким образом, в терминах формальной семантики значение лексемы является теоретико-множественной функцией ее смысловых компонентов [Лайонз, 2003: 126]. Под методом компо-нентного анализа Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс понимали «разло-жение семантической структуры единиц лексического, морфологи-ческого и синтаксического уровней на мельчайшие семантические элементы — *семы*» [Гулыга, Шендельс, 1976: 312]. О.Н. Селиверсто-ва трактует его более системно, как «процедуру расщепления зна-чения на составные части, вычленение которых обусловлено соот-ношением элементов внутри отдельного значения, так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц» [Селиверстова, 1982]. Дж. Лайонз подчеркивает, что метод компонентного анализа позволяет увидеть не только системность в анализируемом значении, но и зависимость этого значения от всех остальных элементов лексико-семантической системы. Тем самым подкрепляется положение, согласно которому «словарь представ-ляет собой не простое скопление лексических единиц, а некоторым образом организованное единство, элементы которого (слова и их отдельные значения) взаимосвязаны и взаимообусловлены» [Кузне-цов, 1986: 14]. Предполагается, что получаемые таким образом элементы по своим качественно-количественным характеристикам должны быть не только необходимыми, но и достаточными для от-граничения от других значений данного слова или от значений других слов.

Обратимся к конкретной процедуре компонентного анализа с целью выявления в данном семантическом поле вербализованного концепта *embroidery* соответствующих интегративных, дифферен-циальных, скрытых и потенциальных сем, способствующих раз-гадке кода, заданного автором. Понятно, что употребление *embroidery* 26 раз на трех страницах короткого рассказа, а сходных единиц того же семантического поля — более 60, не может быть вызвано скудостью авторского лексикона или недостатком фантазии, памятуя, что речь идет о Рее Бредбери — великом мастере художе-ственного слова и гении фантастики. Значит, это сделано намерен-но, в расчете на читателя-сообщника, играющего с ним в одну и ту же игру. Сюжет рассказа, на первый взгляд, ординарен. Три женщи-ны теплым летним вечером занимаются вышиванием — *рукодели-ем* — на веранде и говорят поначалу, казалось бы, о повседневных обыденных мелочах. Развитие нарратива можно структурировано

представить в виде последовательного введения *ментальных входных пространств (input spaces)*:

Input space 1: Счастье повседневной обыденной жизни: “*Three women’s mouths twitched over their work. The 3rd woman embroidered a rose, a leaf, a daisy on a green field... The 2nd woman was working on the finest, most delicate piece of embroidery of them all... A flower, a man, a road, a sun, a house; the scene grew under her hand. Each woman looked at her own hands, as if suddenly she had found her heart beating there*”.

Input space 2: Три женщины ведали о назревающей катастрофе: “*No supper to fix tonight or tomorrow night or the next night after that, — said the 1st lady. — No windows to open or shut. — No coal to shovel in the basement furnace next winter. — No papers to clip cooking articles out of, and suddenly they were crying*”.

Input space 3: Начало конца. “Something wrong”: “*Now look what I’ve done! — cried the 2nd lady, exasperated ... She held her embroidery. There was a scene, perfect except that while the embroidered yellow sun shone down the embroidered green field, and the embroidered brown road curved down an embroidered pink house, the man standing on the road had something wrong with his face*”.

Input space 4: Крушение мира от рук человека: “*It seems at times like this that it’s always your hands you turn to*”, she said. — “*I believe*”, said the 1st lady, “*that our souls are in our hands. For we do everything in the world with our hands. Sometimes I think we don’t use our hands half enough; it’s certain we don’t use our heads. the man standing on the road had something wrong with his face. — I’ll just have to rip out the whole pattern, practically, to fix it right*”, — said the 2nd lady. She began to pick away at the thread with her little deft scissors flashing. *The pattern came out thread by thread. She pulled and yanked, almost viciously. The man’s face was gone. She continued to seize at the threads... The man was gone from the road. She had taken him out entirely. They said nothing but returned to their own tasks*”.

Input space 5: Апокалипсис. “*The 2nd woman began to relax... But she hadn’t time even to lift her head. Somewhere she saw the world brighten and catch fire. She kept her head down, for she knew what it was... They were only staring down at the design in their flickering hands. The 2nd woman watched an embroidered flower go. She watched a fire, in slow motion almost, catch upon the embroidered house and unshingle it, and pull each threaded leaf from the small green tree in the hoop, and she saw the sun itself put apart in the design. Then the fire caught upon the moving point of the needle while still it flashed she*

watched the fire come along her fingers and arms and body, untwisting the yarn of her being so painstakingly that she could see it in all its devilish beauty, yanking out the pattern from the material at hand. What it was doing to the other women or to the furniture or the elm tree in the yard, she never knew. For now, yes, now! It was plucking at the white embroidery of her flesh, the pink thread of her cheeks, and at last it found her heart, a soft red rose sewn with fire, and it burned the fresh, embroidered petals away, one by delicate one...”

[Bradbury, 1979: 91–92]

Сопоставление несопоставимого порождает *Blending* метафорических концептов: *Ткань вышивки (the embroidery, material at hand) vs Ткань тела (the yarn of her being) = the white embroidery of her flesh*. Настойчивый повтор *Embroidery — Рукоделие, Дело Рук человеческих*.

По отношению к домену цели *Embroidery* становится еще нагляднее, что донором-источником нового профиля этого концепта служат те же внедренные зависимые топологические компоненты, каждый из которых проявляется уже не в прямом, а в периферийном, метафорическом значении:

thread (4) 1) нитка, жила 5) нить жизни (*the thread of life*)

pattern (3) 6) структура, форма, строение 8) *pattern bombing* — групповая бомбардировка

design (3) 1) замысел, план 2) злой умысел (*criminal design*) 3) эскиз

yarn (2) 1) пряжа, нить 2) небылица, выдумка, сказка, длинная история

fiber (1) 1) волокно, нить 4) *muscle fiber, fibers of a nerve*

material (1) 1) ткань, материя 2) телесный, плотский

flesh — 1) тело, мясо; 4) плоть и кровь, живой человек

hand (18) — твердая рука, контроль, власть.

at hand (1) — close by, about to happen soon [COD, 546–547].

В целом, порождая новый метафорический смысл заглавия рассказа: *Embroidery — handiwork*, «это их рук дело», трех ведьм-парок, злобных вешуний из древних мифов, контролируемых (*handed*) и направляемых злым замыслом (*design*) по плану (*pattern*), чтобы разрушить ткань (*fiber, thread, material, yarn*) живого, теплого человеческого тела (*flesh*) и прервать нить жизни (*the thread of life*) на прекрасной, цветущей земле. Особый колорит тексту придает культуроспецифическая периферия обильной интертекстуальности, высвечивающая или затушевывающая, усиливающая или ослабляющая прагматический эффект оригинала (перевод названия — Ру-

коделии, — высвечивающая русская метафора в сильной позиции заголовка текста). В ходе взаимодействия ментальных пространств эти элементы соотносятся друг с другом и активизируются, а нерелевантные элементы не высвечиваются, оставаясь вне зоны внимания. Связь с древним мифом поддерживается за счет большого количества интертекстуальных включений, отсылок и текстовых аллюзий.

Таким образом, исследование смыслопреобразующей роли заглавной метафоры в организации концептосферы художественного текста/дискурса, проводимое при помощи лингвокогнитивных методов анализа, доказательно приводит к выводу: выбор фрейма навязывается когнитивной метафорой, которая влияет на концептуализацию проблемы и ее решение. Она регулярно используется автором для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и скрытой реализации кода авторского художественного замысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 1: Риторика. М., 1976.
2. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М., 1993.
3. *Болдырев Н.Н.* Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.
4. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
5. *Демьянков В.З.* Об усвоении неродного языка и корпусной лингвистике: что такое *highly likely*? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 70–81.
6. *Ирисханова О.К.* Проявления кросс-модальной иконичности в разных типах дискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 29–39.
7. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. М., 2003.
8. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004. С. 188.
9. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004. С. 506.
10. *Кузнецов А.М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.
11. *Мински М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1988.
12. *Молчанова Г.Г.* Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. М., 2007.
13. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации. М., 2014.
14. *Рассел Б.* Исследование значения и истины. М., 1999.
15. *Режабек Е.А., Филатова А.А.* Когнитивная культурология. СПб., 2009.
16. *Селиверстова О.Н.* Труды по семантике. М., 1982.
17. *Bradbury R.* Embroidery // The Golden Apples of the Sun. N.Y., 1979. P. 90–94.
18. *Judd C.M., Park B.* Out-group homogeneity. L., 1988. P. 778–788.
19. *Hawkins B.* The natural category medium: An alternative to selection restrictions and similar constructions / Rudzka-Ostyn (ed.) Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam, 1988.

20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago & London, 1980. P. 242.
21. Langacker R. *Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin; N.Y., 1991.
22. Turner M., Fauconnie G. *Polysemy and Conceptual Blending // Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin; N.Y., 2003.
23. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. 4th ed. Oxford, 1986.

Galina G. Molchanova

SENSE-CREATING ROLE OF COGNITIVE METAPHOR IN TEXT/DISCOURSE ANALYSIS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dean@ffl.msu.ru

Abstract: The purpose of the paper is to point out some theoretical problems concerning the role of cognitive methods in linguistics, and in the widening the humanitarian competence in general. The paper focuses on the investigation of the cognitive metaphor as a sense-creating device in the literary discourse, using cognitive, conceptual, frame/slot analyses with the elements of the component analysis. The author investigates R. Bradbury's "*Embroidery*" in close connection with the metaphorical transfer of meaning and draws the conclusion that this approach opens new facets of conceptualization. The cognitive aspects of a literary text are analyzed, its deep intertextuality and ability to generate the new texts is established, the chain links are constructed. Such approach gives a new impetus to outlining the ways of its possible role in derivational text history. Much attention is paid to the intertextual inclusions, specifically emphasizing their role in changing and reframing the readers' cognitive system. Furthermore, the paper shows the movement along the multiple ways of creating sense, ensures unlimited possibilities for literary and linguistic sense revealing.

Key words: cognitive metaphor; donor domain; target domain; frame/slot analysis; conceptual analysis; component analysis; reframing; vector of associations; blending; input spaces

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Molchanova G.G. (2023) Sense-creating role of cognitive metaphor in text/discourse analysis. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no 2(26), pp. 9–23. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Galina G. Molchanova — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; dean@ffl.msu.ru

REFERENCES

1. Aristotel'. 1976. Soch. v 4 t. T. 1. *Ritorika*. [Rhetoric]. M. (In Russ.)
2. Blek M. 1993. *Metafora* [Metaphore]. Teoriia metafory. M. (In Russ.)
3. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v kul'ture i iazyke [The phenomenon of productivity in culture and language]. *Vestnik MGU im. M.V. Lomonosova. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no 2, pp. 57–69. (In Russ.)
4. Gulyga E.V., Shendel's E.I. 1976. *O komponentnom analize znachimyykh edinitz iazyka* [On the component analysis of significant language units]. Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. M. (In Russ.)
5. Dem'iankov V.Z. 2021. Ob usvoenii nerodnogo iazyka i korpusnoi lingvistike: chto takoe highly likely? [On non-native language acquisition and corpus linguistics: what is “highly likely”?]. *Vestnik MGU im. M.V. Lomonosova. Ser.19 Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 2, pp. 70–81. (In Russ.)
6. Iriskhanova O.K. 2021. Proiyavleniia kross-modal'noi ikonichnosti v raznykh tipakh diskursa [Cross-modal iconicity in various types of discourse]. *Vestnik MGU im. M.V. Lomonosova. Ser.19 Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 2, pp. 29–39. (In Russ.)
7. Laionz Dzh. 2003. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moskva: Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russ.)
8. Lakoff Dzh. 2004. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi* [Women, fire and dangerous things]. M., p. 188. (In Russ.)
9. Kubriakova E.S. 2004. *Iazyk i znanie* [Language and knowledge]. M.: IIA RAN, p. 506. (In Russ.)
10. Kuznetsov A.M. 1986. *Ot komponentnogo analiza k komponentnomu sintezu* [From component analysis to component synthesis]. M.: Nauka. (In Russ.)
11. Minski M. 1988. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo [Wit and logic of the cognitive unconscious]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 23. M. (In Russ.)
12. Molchanova G.G. 2007. *Angliiskii kak nerodnoi: iazyk, stil', kul'tura, kommunikatsii: verbalika i neverbalika* [English as a second language: language, style, culture, communication: verbal and non-verbal]. M.: OLMA-Media Press. (In Russ.)
13. Molchanova G.G. 2014. *Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Cognitive polycodeness of intercultural communication]. M.: OLMA-Media Press. (In Russ.)
14. Rassel B. 1999. *Issledovanie znachenii i istiny* [A study of meaning and truth]. M.: Ideia-Press. (In Russ.)
15. Rezhabek E.A., Filatova A.A. 2009. *Kognitivnaya kul'turologiya* [Cognitive cultural studies]. SPb. (In Russ.)
16. Seliverstova O.N. 1982. *Trudy po semantike* [Semantics Studies]. M.; Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russ.)
17. Bradbury R. 1979. *Embroidery. The Golden Apples of the Sun*. N.Y.: Bantam Book Edition. P. 90–94.
18. Judd C.M., Park B. 1988. *Out-group homogeneity*, London, pp. 778–788.
19. *Hawkins B.* 1988. The natural category medium: An alternative to selection restrictions and similar constructions. Rudzka-Ostyn (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins.
20. Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago & London: The University of Chicago Press, pp. 242.
21. Langacker R. 1991. *Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter.

22. Turner M., Fauconnie G. 2003. Polysemy and Conceptual Blending. *Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin, N.Y.
23. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. 4th ed. 1986. Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023;
одобрена после рецензирования 18.02.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 18.01.2023;
approved after reviewing 18.02.2023;
accepted for publication 20.02.2023